

Новоприбывший Тринадцатый принц оказался на редкость колючим.

В первый же день занятий остальные принцы в полной мере прочувствовали это на себе.

Стоит пояснить, как распределялись силы в Императорской школе. Всего здесь обучалось больше двадцати наследников. Тех, кто был моложе Му Юаньюна, хватало: в школу отдавали с шести лет, а Тринадцатому принцу шёл уже одиннадцатый год.

Поскольку император всё ещё не назначил наследника престола, за партами сидели почти все его сыновья. Старшему исполнилось шестнадцать. Вскоре ему предстояло получить титул князя и покинуть дворец, так что размениваться на мышиную возню с младшими братьями он не желал.

Главными смутьянами здесь были двое: Третий принц, Му Юаньдань, и Пятый — Му Юаньси.

Ровесники, они и по знатности не уступали друг другу: одного родила Драгоценная наложница Юй, второго — наложница Лань.

Семья первой имела огромный вес при дворе, зато мать второго ходила в любимицах у государя.

Сами наложницы при встрече едва ли не плевались ядом, и сыновья пошли в матерей: соперничество между ними началось ещё в раннем детстве, прямо в стенах школы.

Можно сказать, что окружение Третьего принца разделилось на три фракции, а сторонники Пятого сплотились в пять группировок.

И пока эти группировки увлечённо рвали друг другу глотки, Тринадцатый принц бесцеремонно влез в самую гущу событий, мгновенно приняв весь огонь на себя.

Кто-то из заводил первым открыл рот, решив уколоть новичка побольнее:

— Ишь, вырядился, чисто беженец с голодного края! И как только такого приживалу занесло в наши благородные чертоги? А ведь личиком недурён, младший братец... Жаль только, матушка у тебя умом тронулась. Служи-ка мне верной собачкой, глядишь, и перепадёт тебе пара медяков на пропитание.

Мальчишки, хоть и княжеского рода, целыми днями якшались со слугами да евнухами, так что в сквернословии толк знали. Языки у них были грязными, а шутки — на редкость пошлыми.

Да только Му Юаньюн терпеть обиды не привык. Он и сам мог кого угодно смешать с грязью, так с чего бы ему сносить чужие нападки?

Никто и помыслить не мог, что безродный Тринадцатый окажется настолько вспыльчивым. Сверстники полагали: раз за сиротой никто не стоит, он будет тише воды, ниже травы. Самое милое дело — поглумиться над беззащитным приёмным.

Пинать лежащего — забава безопасная. Почему бы и не потешить самолюбие?

Кон Цзяцзы и глазом моргнуть не успел, как Тринадцатый ринулся в бой. Он рванулся вперёд, схватил тяжёлый стул и с размаху обрушил его на обидчика — в этой бешеной ярости явственно угадывался дикий нрав их венценосного отца-разбойника в былые годы.

Кон Цзяцзы тоже не стал колебаться. Невзирая на истошный вопль Наставника-эльфа 311 в своей голове, он бросился на подмогу.

До этого момента обе фракции лишь лениво переругивались.

Но стоило какому-то недоумку вякнуть лишнее, как Тринадцатый принц без лишних слов уложил его точным ударом стула. Сверстники кинулись разнимать дерущихся, но слово за слово — и старшие воспитанники, решив проучить наглеца, сами полезли в драку.

В мгновение ока благородные отпрыски засучили рукава и сошлись врукопашную.

Сторонники Третьего и Пятого принцев давно копили взаимные обиды. Те, кто поначалу пытался растащить бузотёров, увлеклись и сами начали раздавать тумаки направо и налево.

Поднялся невообразимый хаос. Младшие принцы, которым ещё не исполнилось и десяти, забились под парты и оттуда восторженно улюлюкали, подбадривая старших братьев.

Сами зачинщики — Третий и Пятый принцы — уже катались по полу, вцепившись друг другу в глотки.

Их свита лупила друг друга чем попало. В ход пошли тяжёлые каменные чернильницы, густая чёрная тушь летела во все стороны, пачкая лица и одежды.

Пользуясь неразберихой, Му Юаньюн увлёк Кон Цзяцзы за собой и прорвался к выходу. Прежде чем покинуть класс, он торжествующе фыркнул и процедил:

— Ну и кретины.

Сделав сообщнику знак молчать, взъерошенный, перемазанный тушью принц скользнул за дверь. Кон Цзяцзы поспешил за ним.

Едва они выбежали в коридор, как нос к носу столкнулись с младшим наставником, который спешил на урок. Картина маслом: двое оборванцев посреди учебного крыла. Наставник, конечно, не был слепцом и по дороговому, хоть и залитому тушью шёлку сразу опознал императорское платье.

Заподозрив неладное, он всмотрелся в незнакомое лицо мальчика. Сплетни в Пурпурном запретном городе разлетались быстро, и учитель сразу догадался, что перед ним тот самый новоявленный Тринадцатый принц.

Окинув взглядом их потрёпанный и вороватый вид, наставник строго окликнул беглецов:

— Стоять! Вы ли это, Тринадцатый принц? Скоро начнётся урок, отчего вы не в классе?

Кон Цзяцзы опешил: только что ухмылявшийся во весь рот Му Юаньюн внезапно залился горячими слезами. Рыдая навзрыд, он незаметно, но больно ущипнул Кон Цзяцзы за бок.

Кон Цзяцзы растерялся, но в голове тут же зазвучал встревоженный голос Наставника-эльфа 311:

"Он тебе велит плакать! Быстрее, реви!"

"Плакать?"

Кон Цзяцзы уже и забыл, каковы слёзы на вкус. Он дал себе зарок никогда не реветь, но Му Юаньюн подмигивал всё отчаяннее.

Делать нечего. Мальчик задрал голову и завыл во всю глотку, усердно размазывая по лицу несуществующие слёзы.

"До чего же фальшиво..." — вздохнул эльф.

"Заткнись", — мысленно огрызнулся Кон Цзяцзы.

У наставника от этого оглушительного дуэта мгновенно разболелась голова. Он растерянно открыл было рот, но не нашёлся что сказать.

В этот момент Му Юаньюн с жалобным писком бросился вперёд, обхватил учителя за ноги и принялся размазывать сопли и слёзы по его чистой мантии.

— О-о-о-а-а! Братья меня бьют! — заголосил принц.

Наставник преподавал в школе много лет, но ещё ни разу царственный отпрыск не вешался ему на брюки с рыданиями. Боязливо оглядевшись по сторонам и убедившись, что свидетелей нет, он попытался утихомирить мальчишку:

— Ваше Высочество, умоляю, полно вам... Ну же, тише. Кто... кто посмел поднять на вас руку?

Но Му Юаньюн лишь пуще прежнего зашмыгал носом, наотрез отказываясь отвечать, и крепче сжал объятия.

Кон Цзяцзы, у которого голосовые связки уже отказывали, тихонько подвывал рядом, опустив голову и плечи.

Учитель чувствовал, как у него лопается терпение. Ему пришлось надавать три короба обещаний и поклясться всеми предками, что виновных непременно накажут, прежде чем Му Юаньюн наконец соизволил отцепиться от его многострадальной ноги.

Стоило наставнику открыть рот, чтобы выпросить подробности, как Тринадцатый принц превентивно взвыл на пару тонов громче. Осознав тщетность расспросов, мужчина оставил эту затею, решив разобраться со всем на месте.

По дороге он лихорадочно соображал. Дело пахло керосином. И пугало его не то, что безродного новичка взгрели, а то, на кого именно придётся указывать пальцем.

Окажись обидчик кем-то из обделённых вниманием сыновей, виновного можно было бы наказать без лишних раздумий. Быстро, честно, справедливо. Но что, если в драке замешан любимчик императора? Наследник престола до сих пор не назначен, а главными претендентами на трон сейчас считались как раз Третий и Пятый принцы...

Наставник принялся взвешивать все «за» и «против», пытаясь понять, как развернуть ситуацию к собственной выгоде.

Пока учитель мысленно подсчитывал выгоду, Му Юаньюн, усердно размазывая по щекам грязь, продолжал исподтишка подавать знаки Кон Цзяцзы.

"Чего он ещё от меня хочет? — Кон Цзяцзы окончательно запутался. — Ну и морока..."

"Ори громче!" — подсказал Наставник-эльф 311.

"Опять?!"

Делать нечего. Кон Цзяцзы обречённо набрал в грудь воздуха и взвыл с новой силой. Наставник, чьи размышления так бесцеремонно прервали, уже набрал воздуха, чтобы отчитать

невоспитанного слугу, как вдруг из дверей школы донёсся истошный вопль:

— Убивают! Помогите, покойник!

<http://bllate.org/book/18226/1752828>